

Светлана М. Толстая

Институт славяноведения Российской Академии наук (Москва)
smtolstaya@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-4531-0024>

Svetlana M. Tolstaya

Institute of Slavic Studies of Russian Academy of Sciences (Moscow)
smtolstaya@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-4531-0024>

ТРИ ЗАМЕТКИ О ПОЭТИЧЕСКОМ ЯЗЫКЕ ПАСТЕРНАКА THREE NOTES ON THE POETIC LANGUAGE OF PASTERNAK

Статья посвящена поэтическому языку Пастернака и рассматривает три характерные для его стихов конструкции: 1. императивные (повелительные) предложения со стороны их структуры и семантики и их соотношение с инфинитивными предложениями и конструкциями с будущим временем; 2. характерные для Пастернака ряды перечислений («каталоги») с особым вниманием к их разнородности, объединению в них элементов с разным семантическим и денотативным содержанием, а также к их роли в создаваемой картине мира; 3. типичные для Пастернака приемы «очеловечивания сущего», т. е. употребление предикатов (глаголов внутреннего состояния), предполагающих (согласно нормам языка) субъекта-человека, применительно к объектам и явлениям природы и даже приписывание природе телесных признаков человека.

Ключевые слова: Пастернак, поэтический язык, императивные предложения, поэтика перечислений, «очеловечивание» мира.

The article refers the poetic language of Pasternak and examines three typical constructions of his poems: 1. the imperative sentences in terms of their structure and semantics and their relevance to the infinitive sentences and Future tense constructions; 2. the enumeration lists (“catalogs”), a characteristic of Pasternak style, with special attention to their heterogeneity, to their combination of elements with different semantic and denotative content, as well as to their role in creating the model of the world; 3. Pasternak’s typical methods of “humanizing the world”, i. e., to apply the predicates (verbs expressing the inner state of a person), that — according to the norms of language — imply a human subject to the objects and natural phenomena, and furthermore to attribute the human bodily characteristics to the nature.

Keywords: Pasternak, poetic language, imperative sentences, poetics of enumeration, “humanization” of the world.

1. «Все наклоненья и залоги изжеваны до одного» (1936)

Исключительное богатство и разнообразие поэтического языка Пастернака породило целую литературу, в которой исследуется грамматика, лексика, фразеология, словообразование, синтаксис его стихов и роль грамматических форм и категорий в их структуре и содержании (Лотман 1964; Кнорина 1982; Юнггрен 1982; Смолицкий 1986; Панченко 1993; Магомедова 2004; Шапир 2004; Красильникова, Успенский 2021 и др.). Меньше внимания уделялось более крупным грамматическим категориям, таким как наклонение, относящимся к уровню предложения. В известной серии работ А. К. Жолковского анализируются синтаксические конструкции, построенные на рядах инфинитивов; стихи с такими конструкциями названы им инфинитивной поэзией. Самой же структуре придается статус инварианта, широко представленного в русской поэзии XVIII–XX вв. (Жолковский 2009; 2010). В инфинитивной поэзии выделяется два типа: 1) абсолютные инфинитивы, образующие самостоятельное предложение («Грешить бесстыдно, непробудно...») и 2) инфинитивные серии, зависящие от управляющего слова («Когда б вы знали, как ужасно / Томиться жаждою любви, / Пылать и разумом всечасно смирять волнение в крови...»). Эти конструкции принципиально различны: первые являются самостоятельными предложениями (инфинитивные предложения — ЭРЯ: 220–221), и им А. К. Жолковский справедливо придает статус наклонения: «Автономные инфинитивы являются носителями “медитативного” наклонения, не отраженного в “Академической грамматике русского языка” [1980. Т. 2. С. 373–378] <...> Это наклонение, сконструированное многообразной разработкой стихотворного инфинитивного письма, для практической речи нехарактерной, можно считать вкладом поэзии в развитие естественного языка» (Жолковский 2009: 230). Вторые никакого вклада в развитие русского языка не вносят, будучи стандартными синтаксическими конструкциями, и никакого особого семантического ореола не имеют.

К уровню предложения относятся и такие структуры, как именной стиль («Ночь. Улица. Фонарь. Аптека...»), который также широко используется в русской поэзии и, вероятно, тоже заслуживает своей антологии. Наконец, А. К. Жолковский упоминает еще возможность изучения «императивного» стиля (т. е. конструкций, использующих формы повелительного наклонения). Именно эта императивная конструкция как один из инвариантов поэтического языка будет нас здесь интересовать. Если хрестоматийным примером инфинитивного стиля в поэзии Пастернака служит «Февраль. Достать чернил и плакать...», то хрестоматийным примером императивного стиля может служить стихотворение «Ночь»: «Не спи, не спи, работай, / Не прерывая труда, / Не спи, борись с дремотой, / Как летчик, как звезда, / Не спи, не спи, художник, / Не предавайся сну, / Ты вечно-сти заложник / У времени в плену». В отличие от инфинитивного письма, в императивной поэзии выступают только независимые конструкции,

представляющие собой особый тип побудительных предложений, не использующийся в подчинительных структурах. Их семантический ореол неоднороден, так же как и разнообразна их формальная структура.

В **формальном** отношении императивные предложения могут быть разделены на три типа. Во-первых, они могут строиться на синтетической личной форме глагола в повелительном наклонении, например: «Не плачь, не морщ опухших губ, / Не собирай их в складки. / Разбередишь присохший струп / Весенней дихорадки. / Сними ладонь с моей груди, / Мы провода под током. / Друг к другу вновь, того гляди, Нас бросит ненароком» («Объяснение»); «Она со мной. Наигрывай, / Лей, смейся, сумрак рви! / Топи, теки эпитафией / К такой, как ты, любви! / Снуй шелкопрядом тутовым / И бейся об окно. / Окутывай, опутывай, еще не всклянь темно!» («Дождь»). Во-вторых, они могут использовать аналитическую форму повелительного наклонения, например: «Давай ронять слова, как сад янтарь и cedру, / Рассеянню и щедро, едва, едва, едва. / Не надо толковать, / Зачем так церемонно / Мареной и лимоном / Обрызгнута листва («Давай ронять слова...»). В-третьих, императивное значение может быть выражено эллиптической конструкцией без глагола с управляемым членом (прямым объектом, обстоятельством), например: «Стихи мои, бегом, бегом, / Мне в вас нужда, как никогда. / <...> / Пусть вьюга с улиц улюлю, — / Вы радугой по хрусталу, / Вы сном, вы — вестью: я вас шлю, / Я шлю вас, значит, я люблю» («Стихи мои, бегом, бегом...»); «Грудь под поцелуи, как под рукомыльник! / Ведь не век, не сряду лето бьет ключом» («Воробьевы горы»); «Никого не ждут. Но — наглухо портьеру. / Тротуар в буграх, крыльцо замечено. / Память, не ершись! Срастись со мной! Уверуй / И уверь меня, что я с тобой одно» («Зимняя ночь»).

По своей **семантике** повелительные конструкции в поэтическом языке отличаются от общезыковых употреблений прежде всего своей оторванностью от конкретных коммуникативных ситуаций, в которых говорящий высказывает свою просьбу, приказание, разрешение или запрещение, адресованные определенному лицу или лицам, участникам коммуникативного акта, потенциальным исполнителям этих прескрипций (Бирюлин, Храковский 1992: 7–8; ЭРС: 498–500). В повелительных предложениях поэтического языка агенсом (автором, отправителем) является сам поэт, а адресатом (но не исполнителем воли поэта) — не обязательно конкретное лицо (названное или не названное), но также некое абстрактное «состояние дел в мире». В этом смысле они, как и инфинитивные предложения, образуют особое наклонение.

Примером императивных предложений первого типа, адресованных определенному лицу (лицам), могут служить: «Не волнуйся, не плачь, не труди / Сил иссякших и сердца не мучай. / <...> / Из тифозной тоски тюфяков / Вон на воздух широт образцовый! / Он мне брат и рука. Он таков, / Что тебе, как письмо, адресован. / Надорви ж его ширь, как письмо, / С горизонтом вступи в переписку, / Победи изнуренья измор, / Заведи раз-

говор по-альпийски» («Не волнуйся, не плачь, не труди...»); «Поэт, не принимай на веру / Примеров Дантов и Торкват / <...> Не выставляй ему отметок. / Растроганности грош цена. / Грозой пади в объятья ветров, / Дождем обдай его до дна. / Не умиляйся, — не подтянем. / Сгинь без вести, вернись без сил» («Все наклоненья и залог...»); «Рассеемся в сентябрьском шуме! / Заройся вся в осенний шелест! / Замри или ополоумей!» («Осень»); «Прощай, лазурь преображенная, / И золото второго Спаса. / Смягчи последней лаской женскою / Мне горечь рокового часа. / Прощайте, годы безвременщины! Простимся, бездне унижений / Бросающая вызов женщина! / Я — поле твоего сраженья. / Прощай, размах крыла расправленный, / Полета вольное упорство, / И образ мира, в слове явленный, / И творчество, и чудотворство» («Август»).

Императивные конструкции второго типа не имеют конкретного адресата и не предполагают исполнителя прескрипции, они выражают не предписание или запрещение, а представляют собой оптативные высказывания, обращенные к самому себе или вообще к людям, например: «Прислушайся к выюге, сквозь десны процеженной, / Прислушайся к голой пробежке бесснежья. / <...> / Прислушайся к гулу раздолий неезженных, / Прислушайся к бешеной их перебежке» («Дурной сон»); «Не слушай сплетен о другом. / Чурайся старых своден. / Ни в чем не меряйся с врагом, / Его пример не годен («Русскому гению»).

Такие конструкции семантически близки к **инфинитивным** предложениям, которые, будучи безличными (или безадресными), также могут иметь оптативное значение: «Любить, — идти, — не смолкнул гром, / Топтать тоску, не знать ботинок, / Пугать ежей, платить добром / За зло брусники с паутиной. / Пить с веток, бьющих по лицу <...> — сгрести, — запеть...» («Любить, — идти...»). Безличная или неопределенно личная семантика с модальной окраской сближает их также с конструкциями с **будущим временем**: «На тротуарах истолку / С стеклом и солнцем пополам. / Зимой открою потолок и дам читать сырым углам. / Задекламирует чердак / С поклоном рамам и зиме, / К карнизам прянет чехарда / Чудачеств, бедствий и замет. / Буран не месяц будет мести, / Концы, начала заметет. / Внезапно вспомню: солнце есть; / Увижу: свет давно не тот...» («Про эти стихи»).

Императивных стихов у Пастернака не очень много, но они широко используются другими поэтами и могут считаться одним из инвариантов поэтического языка. Императивные конструкции второго типа («безадресные», «оптативные») характерны, например, для Мандельштама, ср. «Прославим, братья, сумерки свободы / <...> / Прославим роковое бремя, / Которое в слезах народный вождь берет, / Прославим власти сумрачное бремя, / Ее невыносимый гнет...» («Сумерки свободы»); «Возьми на радость из моих ладоней / Немного солнца и немного меда, / Как нам велели пчелы Персефоны...»; «Не говори никому, / Все, что ты видел, забудь — / Птицу, старуху, тюрьму / Или еще что-нибудь...» («За то, что я руки твои не сумел удержать»); «Руку платком обмотай в венценосный шиповник, / В самую гущу

его целлулоидных терний, / Смело, до хруста, ее погрузи...» («Руку платком обмотай»); «Запихай меня лучше, как шапку, в рукав / Жаркой шубы сибирских степей / <...> Уведи меня в ночь, где течет Енисей, / И сосна до звезды достает, / Потому что не волк я по крови своей / И меня только равный убьет»; «Сохрани мою речь навсегда за привкус несчастья и дыма...» («За гремучую доблесть грядущих веков»); «Дайте Тютчеву стрекозу — / Догадайтесь, почему — / Веневитиному — розу, / Ну а перстень? Никому!..» («Дайте Тютчеву стрекозу»); «Не сравнивай: живущий несравним...» и др.

Приведем еще стихотворение Марии Петровых, построенное целиком на императивных конструкциях и выдержанное в жанре молитвы: «Назначь мне свиданье на этом свете. / Назначь мне свиданье в двадцатом столетье. / Мне трудно дышать без твоей любви. / Вспомни меня, оглянись, позови! / Назначь мне свиданье в том городе южном, / Где ветры гоняли по взгорьям окружным, / Где море пленяло волной семицветной, / Где сердце не знало любви безответной. / Ты вспомни о первом свидании тайном, / Когда мы бродили вдвоем по окраинам, / Меж домиков тесных, по улочкам узким, / Где нам отвечали с акцентом нерусским. / Пейзажи и впрямь были бедны и жалки, / Но вспомни, что даже на мусорной свалке / Жестянки и склянки сверканьем алмазным, / Казалось, мечтали о чем-то прекрасном. / Тропинка все выше кружила над бездной... / Ты помнишь ли тот поцелуй поднебесный?.. / Числа я не знаю, но с этого дня / Ты светом и воздухом стал для меня. / Пусть годы умчатыся в круженье обратном / И встретимся мы в переулке Гранатном... / Назначь мне свиданье у нас на земле, / В твоём потаённом сердечном тепле. / Друг другу навстречу по-прежнему выйдем, / Пока еще слышим, / Пока еще видим, / Пока еще дышим, / И я сквозь рыдания / Тебя заклинаю: назначь мне свиданье! / Назначь мне свиданье, хотя б на мгновенье, / На площади людной, под бурей осенней, / Мне трудно дышать, я молю о спасенье... / Хотя бы в последний мой смертный час / Назначь мне свиданье у синих глаз» (1953).

2. Поэтика перечислений

Прием перечислений или «каталогов» широко используется как в поэзии (например, у Пушкина, Бродского), так и в прозе (например, у Диккенса, Гоголя и др.) и служит экономным способом передать богатство и разнообразие мира и эмпирический «объем» описываемых ситуаций. Как правило, такие перечни подчиняются определенной логике: ряды перечисляемых предметов или предикатов представляют собой упорядоченные последовательности однородных единиц, относящихся к одному понятийному полю (ср. перечень предметов туалета в кабинете Онегина или описание домашних пожитков Лариных, отъезжающих в Москву). Этот прием используется также в текстах фольклора (Иванов 1997; Толстая 2015).

В стихах Пастернака (особенно раннего периода) мы встречаемся с перечнями совершенно другого рода: в них часто объединяются в один ряд

разнородные, не связанные друг с другом понятия, относящиеся к разным семантическим полям, например: «И в ночь женевскую, как в косы/Южанки, югом вплетены/Огни рожков и абрикосы,/Оркестры, лодки, смех волны» («Из поэмы. 2»); «Ветер розу пробует/Приподнять по просьбе/Губ, волос и обуви,/Подолов и прозвищ («Звезды летом»); «Ветер треплет ненастья наряд и вуаль./Даль скользит со словами: навряд и едва ль —/От расспросов кустов, полустанков и птах,/И лопат, и крестьянок в лаптях на путях./Воедино собираются дни сентября» («Город»); «Видишь, в высях мысли сбились в белый кипень/Дятлов, туч и шишек, жара и хвои» («Воробьевы горы»); «Опять эти белые мухи,/И крыши, и святочный дед,/И трубы, и лес лопухий/Шутом маскарадным одет» («Иней»); «Каналы пахнут затхлостью укладок./По ним ныряет, как пустой орех,/Горячий ветер и колышет веки/Ветвей, и звезд, и фонарей, и вех,/И с моста вдаль глядящей беловшейки» («Анне Ахматовой»); «Всё стихло. Один Он стоял посредине,/А местность лежала пластом в забытии./Всё перемешалось: теплынь и пустыня,/И ящерицы, и ключи, и ручьи» («Чудо»); «Снег идет, и всё в смятении:/Убеленный пешеход,/Удивленные растения,/Перекрестка поворот» («Снег идет»); «Я люблю их, грешным делом,/Стаи хлопьев, холод губ,/Небо в черном, землю в белом,/Шапки, шубы, дым из труб» («Как-то в сумерки Тифлиса»); «О, если бы я только мог/Хотя отчасти,/Я написал бы восемь строк/О свойствах страсти./О беззаконьях, о грехах,/Бегах, погонах,/Нечаянностях впопыхах,/Локтях, ладонях» («Во всем мне хочется дойти»); «Раскат импровизаций нес/Ночь, пламя, гром пожарных бочек,/Бульвар под ливнем, стук колес,/Жизнь улиц, участь одиночек» («Музыка»).

Мы видим, что в этих перечнях предметные имена сочетаются с абстрактной лексикой, имена растений или животных с именами лиц, явления природы с названиями частей тела, речевые понятия с именами одежды и обуви и т. п. Во многих случаях это не просто перечисление разнородных составляющих, относящихся к некоторому целостному фрагменту мира, как в большинстве перечней в текстах других авторов, а часто их нанизывание через сочинительный союз «и» или повторение предлога, т. е. последовательное переключение внимания с одного объекта на другой и их вторичное сближение, призванное показать единство и непрерывность мира или даже «магически» вызвать в сознании читателя это объединение. Этот излюбленный Пастернаком способ перечисления как бы замедляет взгляд и задерживает внимание на каждом элементе перечня.

Это не значит, что в стихах Пастернака не используются «канонические» однородные перечни бессоюзного типа, ср. «Ты — точно приговор к ссылке/На недоед, недосып, недобор,/На недопой и на боль в затылке» («Двор»); «Он на это мебель стопит,/Дружбу, разум, совесть, быт,/На столе стакан не допит,/Век не дожит, свет забыт» («Скромный дом, но рюмка рому»); «В завываньи бурана/Потонули: тюрьма,/Экскаваторы, краны,/

Новостройки, дома) («Вакханалия»); «Туда толпою пассажиры/Текут с вокзального двора,/Путейцы, сторожа, кассиры,/Проводники, кондуктора./Вот он <поезд> со скрытностью сугубой/Ушел за улицы изгиб,/Вздымая каменные кубы/Лежащих друг на друге глыб,/Афиши, ниши, крыши, трубы,/Гостиницы, театры, клубы,/Бульвары, скверы, купы лип,/Дворы, ворота, номера,/Подъезды, лестницы, квартиры,/Где всех страстей идет игра/Во имя переделки мира» («Поездка»).

Особое место занимает «перспективный» исторический перечень из «Рождественской звезды»: «И странным виденьем грядущей поры/Вставало вдали всё пришедшее после./Все мысли веков, все мечты, все миры,/ Всё будущее галерей и музеев,/Все шалости фей, все дела чародеев,/Все елки на свете, все сны детворы./Весь трепет затепленных свечек, все цепи,/Всё великолепьё цветной мишуры...» («Рождественская звезда»). Он выделяется не столько своим «объемом», сколько масштабом временного охвата, подчеркнутым многократным повторением местоимения «все».

Таким образом, в разнородных перечнях Пастернака действуют два противоположных механизма: 1) «разъятие мира» на части и 2) его «пересборка», новое объединение разъятых частей в одно целое. Это должно показать, с одной стороны, многообразие, «подробность» и расчлененность мира, а с другой стороны, его единство, непрерывность, смежность всего со всем.

Восприятие мира через набор его составляющих, которые художник «монтирует» в соответствии со своей картиной мира, сближает поэтику Пастернака с общей тенденцией авангардного искусства XX века, которая в поэзии наиболее ярко выражена в футуризме, а в живописи — в таких направлениях, как кубизм, сюрреализм, конструктивизм и др.

Этот же прием «разъятия» и нового объединения характеризует и язык Пастернака: он разнимает на части слова, устойчивые сочетания, фразеологизмы (Красильникова, Успенский 2021), грамматические конструкции и составляет из этих частей новые комбинации, конструирует новые связи между единицами языка. Попадая в неожиданные контексты и сочетания, единицы языка создают новую оптику и новую языковую выразительность. Ю. М. Лотман говорит о «глубоком конфликте с языком», который роднит Пастернака с футуризмом и отличает его от акмеизма (Лотман 1969: 229). Но это, пожалуй, не столько конфликт, сколько языковой эксперимент или даже языковая игра, естественно продолжающая расчленение и новое собирание мира.

3. «Очеловечивание сущего»

Яркой чертой поэтического языка Пастернака является сложная и разнообразная система метафор, которая с точки зрения лингвистики зачастую сводится к нарушению стандартной сочетаемости слов, что связано,

по определению Ю. М. Лотмана, с характерным для XX века «взрывом языковой нормы смысла» (Лотман 1969: 223). Характерные для речевой нормы так называемые языковые метафоры (*ветер воет, время бежит* и т. п.) в поэзии Пастернака претерпевают существенное расширение. Одним из самых распространенных типов метафор у Пастернака является «одушевление мира», т. е. приписывание реальному миру (природным объектам и явлениям, предметному миру) человеческих свойств.

Типичным примером такого одушевления может служить раннее стихотворение «Весна»: «Весна, я с улицы, где тополь удивлен, / Где даль пугается, где дом упасть боится, / Где воздух синь, как узелок с бельем / У выписавшегося из больницы». Согласно языковой норме, глаголы внутреннего состояния *удивляться, пугаться, бояться* употребляются в конструкциях с субъектом-человеком, а в приведенных примерах их субъектом оказываются дерево, даль, дом. Если с точки зрения поэтики это один из распространенных тропов (метафора), то с лингвистической точки зрения это нарушение лексической сочетаемости, т. е. противоречащая норме сочетаемость глагола не с субъектами лиц, а с другими сущностями.

Приведем еще несколько (из множества) примеров такого рода: «Облачно. Щелкает лодочный блок. / Пристани бьют в ледяные ладоши. / Гулко булыжник обрушивши, лошадь / Глухо въезжает на мокрый песок» («Петербург»); «Ужасный! — Капнет и вслушается, / Всё он ли один на свете / Мнет ветку в окне, как кружевце, / Или есть свидетель» («Плачущий сад»); «На ночь натываясь руками, Урала / Твердыня орала и, падая замертво, / В мученьях ослепшая, утро рожала» («Урал впервые»); «Небу под снег хотелось, / Улицу бил озноб, / Ветер дрожал за целостность вывесок, блях и скоб» («Оттепелями из магазинов»); «Желоба коридоров иссякли. / Гул отхлынул и сплыл, и заглох. / У окна, опоздавши к спектаклю, / Вяжет вьюга из хлопьев чулок» («Мейерхольдам»); «Каждый спуск и подъем что-то чуял, / Каждый столб вспоминал про разбой» («Вечерело. Повсюду ретиво»); «Я кончился, а ты жива. / И ветер, жалуясь и плача, / Раскачивает лес и дачу» («Ветер»); «Сухая, тихая погода. / На улице, шагах в пяти, / Стоит, стыдясь, зима у входа / И не решается войти» («Зазимки»); «Лицом поворотясь на юг, / Сосна на солнце жмурится» («Весна в лесу»); «Как обещало, не обманывая, / Проникло солнце утром рано / Косою полосой шафрановую / От занавеси до дивана» («Август»).

Во многих стихах явлениям природы приписываются не только человеческие предикаты (действия и свойства), но и телесные признаки человека: «Деревья, только ради вас / И ваших глаз прекрасных ради, / Живу я в мире в первый раз, / На вас и вашу прелесть глядя» («Деревья, только ради вас»); «Лес стянут по горлу петлею пернатых» («Весна»); «Еще о восходах молодых / Весенний грунт мечтать не смеет, / Из снега выкатив кадык, / Он берегом речным чернеет» («Ледоход»); «Это, зубами стуча от простуды, / Льется чрез край ледяная струя / В пруд и из пруда в другую посуду. /

Речь половодья — бред бытия» («Опять весна»); «Не отсыхает ли язык/ У лип, не липнут листья к небу ль/ В часы, как в лагере грозы/ Полнеба топчется поодаль» («Июльская гроза»); «Говорят — не веришь. На лугах лица нет,/ У прудов нет сердца, бога нет в бору» («Воробьевы горы»); «Ветер за руки схватив,/ Деревя/ Гонят лестницей с квартир/ По дрова» («До всего этого была зима»); «Горит заря, спины не разгибая» («Анне Ахматовой»).

«Одушевление мира» в текстах Пастернака, характерное не только для раннего периода его творчества, объединяет человека с миром. стирает грань между человеком, природой и артефактами, созданными человеком. По словам Ю. М. Лотмана, это вписывается в общую тенденцию постмодернистской культуры, которая «разрабатывала проблему значительности реальности» с целью «реабилитации жизни как таковой» (Лотман 1969: 234).

ЛИТЕРАТУРА

- Академическая грамматика русского языка*. Т. 2. Москва: Наука, 1980.
- Бирюлин Леонид, Храковский Виктор. «Повелительные предложения: проблемы теории». *Типология императивных конструкций*. Отв. Ред. В. С. Храковский. Санкт-Петербург: Наука. С.-Петербургское отделение, 1992: 5–50.
- Жолковский Александр. «К проблеме инфинитивной поэзии (Об интертекстуальном фоне “Устроиться на автобазу...” Сергея Гандлевского)». Жолковский Александр. *Новая и новейшая русская поэзия*. Москва: РГГУ, 2009: 213–232.
- Жолковский Александр. *Русская инфинитивная поэзия XVIII–XX веков. Антология*. Москва: Новое литературное обозрение, 2020.
- Иванов Вячеслав Вс. «О последовательности животных в обрядовых фольклорных текстах». *Проблемы славянской этнографии (К 100-летию со дня рождения ч.-корр. АН СССР Д. К. Зеленина)*. Ленинград: Наука, 1979: 150–154.
- Кнорина Лидия. «Грамматика и норма в поэтической речи (на материале поэзии Б. Л. Пастернака)». *Проблемы структурной лингвистики. 1980*. Москва: Наука, 1982: 241–253.
- Красильникова Татьяна, Успенский Павел. *Поэтический язык Пастернака: «Сестра моя жизнь» сквозь призму идиоматики*. Москва: Языки славянской культуры, 2021.
- Лотман Юрий. «Стихотворения раннего Пастернака и некоторые вопросы структурного изучения текста». *Труды по знаковым системам. IV*. Tartu: Tartu Riiklik Ülikool, 1969: 206–238.
- Панченко Ольга. «Номинативные и инфинитивные ряды в строке стихотворения». *Очерки истории русской поэзии XX в. Грамматические категории. Синтаксис текста*. Москва: Наука, 1993: 81–100.
- Смолицкий Виктор. «Язык улицы в поэзии Пастернака». *Язык и стиль произведений фольклора и литературы*. Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1986: 103–110.
- Толстая Светлана. «С начала до конца: структура и магия перечней в фольклорных текстах». *Балканский тезаурус: Начало. Балканские чтения 13. Тезисы и материалы. Москва, 7–9 апреля 2015 г.* Москва: РАН Институт славяноведения, 2015: 220–225.
- Шапир Максим И. «“А ты прекрасна без извилин...”». Эстетика небрежности в поэзии Пастернака». *Новый мир* 7 (2004): 149–171.
- Юнгрен Анна. «Некоторые синтаксические особенности ранней поэзии Б. Пастернака». *Scando-Slavica* 28/1 (1982): 223–234.
- ЭРЯ — *Энциклопедия Русский язык*. Москва: Словари XXI века. Аст-Пресс Школа, 2020. 3-е изд.

REFERENCES

- Akademicheskaya grammatika russkogo yazyka*. T. 2. Moskva: Nauka, 1980.
- Biryulin Leonid, Hrakovskij Viktor. «Povelitel'nye predlozheniya: problemy teorii». *Tipologiya imperativnykh konstrukcij*. Otv. Red. V. S. Hrakovskij. Sankt-Peterburg: Nauka. S.-Peterburgskoe otdelenie, 1992: 5–50. ERYA — *Enciklopediya Russkij yazyk*. Moskva: Slovarei XXI veka, 2020. Ast-Press Shkola, Izd.3.
- ERYA — *Enciklopediya Russkij yazyk*. Moskva: Slovarei XXI veka. Ast-Press Shkola, 2020. 3-e izd.
- Ivanov Vyacheslav Vs. «O posledovatel'nosti zhivotnykh v obryadovykh fol'klornykh tekstakh». *Problemy slavyanskoj etnografii (K 100-letiyu so dnya rozhdeniya ch.-korr. AN SSSR D. K. Zelenina)*. Leningrad: Nauka, 1979: 150–154.
- Knorina Lidiya. «Grammatika i norma v poeticheskoy rechi (na materiale poezii B. L. Pasternaka)». *Problemy strukturnoj lingvistiki*. 1980. Moskva: Nauka, 1982: 241–253.
- Krasil'nikova Tat'yana, Uspenskij Pavel. *Poeticheskij yazyk Pasternaka: «Sestra moya zhizn'» skvoz' prizmu idiomatiki*. Moskva: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2021.
- Lotman Yurij. «Stihotvoreniya rannego Pasternaka i nekotorye voprosy strukturnogo izucheniya teksta». *Trudy po znakovym sistemam*. IV. Tartu: Tartu Riiklik Ülikool, 1969: 206–238.
- Panchenko Ol'ga. «Nominativnye i infinitivnye ryady v stroe stihotvoreniya». *Ocherki istorii russkoj poezii XX v. Grammaticheskie kategorii. Sintaksis teksta*. Moskva: Nauka, 1993: 81–100.
- Shapir Maksim I. «“A ty prekrasna bez izvilin...”». *Estetika nebrezhnosti v poezii Pasternaka*. *Novyj mir* 7 (2004): 149–171.
- Smolickij Viktor. «Yazyk ulicy v poezii Pasternaka». *Ysyzk i stil' proizvedenij fol'klora i literatury*. Voronezh: Izdatel'stvo Voronezhskogo universiteta, 1986: 103–110.
- Tolstaya Svetlana. «S nachala do konca: struktura i magiya perechnej v fol'klornykh tekstakh». *Balkanskij teaurus: Nachalo. Balkanskije chteniya 13. Tezisy i materialy*. Moskva, 7–9 aprelja 2015 g. Moskva: RAN Institut slavyanovedeniya, 2015: 220–225.
- Yunggren Anna. «Nekotorye sintaksicheskie osobennosti rannej poezii B. Pasternaka». *Scando-Slavica* 28/1 (1982): 223–234.
- Zholkovskij Aleksandr. «K probleme infinitivnoj poezii (Ob intertekstual'nom fone “Ustroit'sya na avtobazu...” Sergeja Gandlevskogo)». Zholkovskij Aleksandr. *Novaya i novejšaja russkaja poeziya*. Moskva: RGGU, 2009: 213–232.
- Zholkovskij Aleksandr. *Russkaya infinitivnaya poeziya XVIII–XX vekov. Antologiya*. Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie, 2020.

Светлана Толстој

ТРИ БЕЛЕШКЕ О ПЕСНИЧКОМ ЈЕЗИКУ ПАСТЕРНАКА

Резиме

Чланак је посвећен песничком језику Пастернака и разматра три конструкције карактеристичне за његове песме: 1. императивне (заповедне) реченице у погледу њихове структуре и семантике и њиховог односа према инфинитивним реченицама и конструкцијама с будућим временом; 2. карактеристична за Пастернака набрајања („каталози“) с акцентом на њиховој разноврсности, на томе што спајају елементе различитог семантичког и денотативног садржаја, као и на њиховој улози у слици света која се ствара; 3. типични за Пастернака поступци „утеловљења суштог“, тј. употреба предиката (глагола унутрашњег стања), који подразумевају (сходно језичкој норми) субјекат-човека, уз објекте и природне појаве и чак приписивање природи телесних особина човека.

Кључне речи: Пастернак, песнички језик, императивне реченице, поетика набрајања, „утеловљење“ света.